

УДК 81.366

**СОМАТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА КАК СРЕДСТВО
ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н.В. ГОГОЛЯ
(на материале поэмы «Мертвые Души»)**

Э.Р. Замалютдинова

Аннотация

В статье на материале поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» рассматриваются субстантивы, характеризующие части тела человека. Непроизводные соматизмы анализируются в пределах словосочетаний, классифицируемых на основании их синтаксической структуры и наличия/отсутствия яркой эмоционально-экспрессивной окраски и образности в семантике. Выделяются наименования, относящиеся к числу стандартных характеристик тех или иных частей тела человека, и индивидуально-авторские новообразования.

Ключевые слова: соматическая лексика, нарушения лексической сочетаемости, индивидуально-авторские новообразования, суффиксы субъективной оценки, трансформация лексического значения.

Антропоцентрический аспект при исследовании лексического уровня языковой системы в последнее время привлекает внимание все большего числа лингвистов и начинает относиться к разряду приоритетных принципов научного исследования, знаменуя, по выражению Е.С. Кубряковой, «тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках» [1, с. 212].

Наибольшие возможности для исследования лексической подсистемы языка в свете антропоцентризма открываются при анализе художественных произведений, поскольку в них реальный человек находит свое отражение в целостном образе, созданном писателем средствами языка. Весьма интересна с этой точки зрения поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» как один из наиболее показательных памятников русского литературного языка, изображающий человека во всём многообразии его качеств.

Особого внимания при этом заслуживают имена существительные, поскольку они обладают значительным семантическим объемом и, следовательно, позволяют ёмко охарактеризовать сатирических персонажей произведения. К числу подобных лексем относятся прежде всего имена существительные, обозначающие части тела человека. Однако, как известно, данные лексические единицы нейтральны, относятся к межстилевой древней лексике и приобретают экспрессивную окраску только при употреблении с теми или иными определениями, указывающими на характерные признаки внешности различных литературных героев.

В связи с этим соматизмы, характеризующие своеобразие внешности персонажей, можно разделить на несколько групп на основании их производности/

непроизводности, синтаксической структуры словосочетаний, в состав которых входят подобные лексемы, и наличия/отсутствия яркой эмоционально-экспрессивной окраски и образности в семантике.

Первую группу составляют непроизводные соматизмы, относящиеся к числу стандартных характеристик человека, входящие в состав субстантивных словосочетаний без каких бы то ни было нарушений лексической сочетаемости с определяющими адъективами.

Например:

– «Посмотрите, посмотрите, какой у ней *прекрасный греческий нос!*» (МД, с. 126) или «Какой *правильный, очаровательный лоб!*» (МД, с. 126);

– «...красавец – стройного роста, светло-русые, блестящие кудри и *темные глаза*» (МД, с. 227);

– «...бедный прокурор поворачивал на все стороны свои *густые брови...*» (МД, с. 129).

Наряду с нейтральными обозначениями частей тела при характеристике того или иного персонажа достаточно часто используются устаревшие лексические единицы, характерные для высокого стиля и употребляемые автором с целью раскрытия образов чиновников николаевской России и выражения ироничного отношения к ним.

Например:

– «Глотали слюнку его уста» (МД, с. 246);

– «...плюнул Костанжогло, и желчное расположение осенило сумрачным облаком его чело...» (МД, с. 252);

– «...слезы градом полились из погасавших *очей*, как у бессильного дитяти» (МД, с. 172).

Противоречие между авторской характеристикой того или иного отрицательного персонажа и использованием высокой лексики, описывающей его внешность, служит средством создания выразительного художественного образа, помогая читателю не только представить внешний облик того или иного героя произведения, но и понять отношение автора к нему.

Вторую группу образуют субстантивные словосочетания с непроизводными соматизмами, в которых лексические единицы употреблены автором с нарушением их сочетаемости, благодаря чему реализуется эмотивно-оценочная семантика прилагательного, а иногда и существительного, и субстантивное словосочетание переходит из разряда номинативных единиц в разряд экспрессивных. По характеру взаимоотношений компонентов здесь можно выделить следующие новообразования.

1. Прилагательное (подвергшееся семантическому переосмыслению) + существительное.

Например:

– «...он схватил Ноздрева за обе *задорные* его **руки** и держал крепко» (МД, с. 65);

– «Но из *угрюмых уст* слышны были на сей раз одни однообразно неприятные восклицания...» (МД, с. 44);

– «Игроки были изображены с прицелившимися киями, несколько вывороченными назад руками и *косыми ногами...*» (МД, с. 8);

– «Чичиков, будучи человек весьма щекотливый..., потянувши к себе воздух на *свежий нос* поутру, только помарщивался...» (МД, с. 14).

2. Существительное (подвергшееся семантическому переосмыслению) + существительное.

Например:

– «...или же случилось своими собственными зубами откусить пребольно *хвостик* собственного же *языка*» (МД, с. 83);

– «...вслед за сими словами *краюшка уха* его скручивалась очень больно ногтями длинных протянувшихся сзади пальцев...» (МД, с. 170).

Приведенные примеры представляют собой окказиональное обновление лексическое сочетаемости, позволяющее «привычное в речи оживить яркой вспышкой словесно-индивидуального, вызывающе своего, удивляющего» [2, с. 79], что так характерно для языка Н.В. Гоголя – мастера удивительно точных и метких сравнений.

В третью группу входят соматизмы в составе различных словосочетаний, выполняющих художественную функцию сравнения. Образная сущность сравнений, как известно, состоит в сопоставлении двух или нескольких явлений, качеств на основе сходства их признаков. Сравнения очень широко используются автором при описании внешности и, соответственно, частей тела человека. По характеру взаимоотношений компонентов подобные номинации можно объединить в несколько групп.

1. Сочетание двух существительных, согласующихся в творительном падеже, которое выполняет оценочно-характеристическую функцию и обладает ярко выраженной отрицательной коннотацией. Например:

– «...все белогрудые, белошейные, у всех *глаза репой*, у всех глаза с поволокой, походка павлином и коса до пояса» (МД, с. 211);

– «...был вышит рыцарь таким образом, как их всегда вышивают по канве: *нос* вышел *лестницею*, а *губы* *четвероугольником*» (МД, с. 135);

– «Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, *бороды* всех родов: *заступом, лопатой и клином*...» (МД, с. 200).

2. Сочетание двух существительных в винительном падеже с предлогом *в*. Необходимо отметить, что подобные достаточно редко встречающиеся в тексте сравнения широко применяются автором. Они, как правило, передают сходство по форме и размеру и обладают образным компонентом в своей семантической структуре.

Например:

– «Вот я тебе палашом! – кричал скакавший навстречу фельдъегерь с *усаами в аршин*» (МД, с. 167);

– «...стрижка низкая, а на затылке даже под гребенку, *шея* толстая, широкая, так называемая *в три этажа* или в три складки...» (МД, с. 215);

– «А ведь был конторщик, *волосы* носил *в кружок!*» (МД, с. 173).

3. Сравнительный оборот с союзом *как*, выражающий сходство по цвету или форме и представляющий собой:

1) своего рода «художественные штампы» с ослабленным образным элементом и эстетическим потенциалом [3, с. 23]:

– «Это был среднего роста, очень недурно сложенный молодец с полными румяными щеками, с белыми как снег **зубами** и черными как смоль **бакенбардами**» (МД, с. 47);

– «Дядя Миняй, широкоплечий мужик с черною, как уголь, **бородою**...» (МД, с. 68).

2) окказионализм, обнаруживающий определенную трансформацию лексического значения, что позволяет выразить всё богатство индивидуально-авторских ассоциаций:

– «...выглянувшие из окна почти в одно время два **лица**: женское, в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдаванские тыквы...» (МД, с. 70);

– «...сбитенщик с самоваром из красной меди и **лицом** таким же красным, как самовар...» (МД, с. 6);

– «Помещик Манилов, еще вовсе человек не пожилой, имевший **глаза**, сладкие, как сахар...» (МД, с. 12).

4. Сравнение, представленное сложной синтаксической конструкцией с союзом *точно* или *как будто*, имеющее в своей основе яркий экспрессивно-образный компонент окказионального характера:

– «...он стал наконец отпрашиваться домой, но таким ленивым и вялым **голосом**, как будто бы, по русскому выражению, *натаскивал клещами на лошаадь хомут*» (МД, с. 57);

– «У иных были **лица**, *точно дурно выпеченный хлеб*: щеку раздуло в одну сторону, подбородок покосило в другую, верхнюю губу взнесло пузырем...» (МД, с. 173);

– «...ведя за собой двух **юношей**, в летних сюртуках. *Тонкие, точно ивовые хлысты*» (МД, с. 227).

Как известно, «смысловой единицей индивидуального стиля может быть слово, сочетание слов и даже более крупное по объему и конструкции словесное образование» [4, с. 207]. С целью усиления выразительности при описании внешности того или иного персонажа автор использует, нередко окказионально, лексические единицы, возникшие в результате переосмысления семантики исходного слова. В четвертую группу включены подобные наименования, среди которых можно выделить следующие.

1. Семантические дериваты, где яркая образность и экспрессивность возникают вследствие семантической трансформации слова, в основе которой лежит семантический перенос типа: название предмета, обозначение результата действия, указанного в производящей основе → название части тела человека.

Например, о животе:

– «...ложась в постель, пощупал животик свой: «**Барабан!** – сказал, – никакой городничий не взойдет!» (МД, с. 232).

О бороде:

– «...по всей щеке и подбородку высыпал довольно густой **посев**» (МД, с. 160).

2. Распространенные синтаксические конструкции, в большинстве случаев представляющие собой индивидуально-авторские образования, характеризую-

щиеся стилистической окрашенностью и образной выразительностью, возникающей, как правило, вследствие семантического переноса.

Например, о рябом лице:

– «Одни только рябины и ухабины, истыкавшие их, причисляли его к числу тех лиц, на которых, по народному выражению, **черт приходил по ночам молотить горох**» (МД, с. 173).

Об отросшей бороде:

– «...пощупав бороду рукою и взглянув в зеркало, он уже произнес: **«Эк какие пошли писать леса!»** (МД, с. 160).

В языке анализируемой поэмы замечено довольно большое количество подобных пространных синтаксических конструкций, характеризующихся образной двуплановостью и выразительностью, отнесенностью к народно-разговорному языку, отражающих художественный замысел Н.В. Гоголя, который прекрасно чувствовал и передавал своеобразие живой русской речи.

Пятую группу образуют производные соматизмы, осложненные суффиксами субъективной оценки, которые, как известно, возникают в результате использования деминутивных суффиксов, так как «в русском языке значения уменьшительности и увеличительности редко выступают только как размерные. Они тесно связаны с категорией субъективной оценки» [5, с. 54]. Наиболее продуктивен в этом отношении суффикс *-к-*.

Например:

– «...или уже завязалась в новом месте какая зазнобушка сердечная и приходится оставлять... держанье за белы **ручки**...» (МД, с. 163);

– «перо чертило само собой, без ведома хозяина, маленькую **головку** с тонкими, острыми чертами...» (МД, с. 206);

– «Оказалось, что все так-то было еще лучше, чем прежде: **щечки** интереснее, подбородок заманчивей...» (МД, с. 276).

Анализируемые производные образования могут иметь в зависимости от контекста уменьшительно-ласкательное или уничижительное значение и, соответственно, несут мелиоративную или пейоративную оценку, характеризуя определенных персонажей поэмы.

Наряду с субстантивами, осложненными уменьшительными суффиксами, писатель широко использует наименования частей тела с эмоционально-экспрессивным увеличительным суффиксом *-ищ-*, не только указывающим на большой размер, но и передающим авторскую оценку, как положительную, так и отрицательную.

Например:

– «А в **плечищах** у него была такая силища, какой нет у лошади» (МД, с. 77);

– «...трехаршинный мужичина какой-нибудь, **ручища** у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиков...» (МД, с. 154).

Таким образом, при анализе языкового материала из поэмы «Мертвые души» было подтверждено замечание, что непродуцированные соматизмы способны формировать у читателя представление о том или ином герое лишь при их употреблении в сочетании с определениями. Именно согласуемые с непродуцированными соматизмами лексические единицы (в большинстве случаев это имена прилагательные)

играют главную роль в создании художественных образов. Кроме того, для придания выразительных характеристик отдельным персонажам Н.В. Гоголь широко использует субстантивные словосочетания с нарушенной лексической сочетаемостью, в состав которых входят наименования частей тела. С той же целью писатель обращается к сравнениям различного типа. В составе лексики, характеризующей части тела человека, выделяется значительное число индивидуально-авторских новообразований, некоторые из которых могут быть стилистически маркированы как народно-разговорные, что в целом свойственно индивидуальному стилю Н.В. Гоголя. В то же время автор широко использует соматизмы, осложненные суффиксами субъективной оценки для передачи как положительной, так и отрицательной оценки своих персонажей.

Summary

E.R. Zamalyutdinova. Somatic Vocabulary as Expressive Means in Nikolay Gogol's Works (on the Material of "Dead souls" Poem).

The article describes the nouns forming the lexical group 'parts of a human body' as used in the "Dead souls" poem by Nikolay Gogol. The somatic nouns are divided into primitives and morphological derivatives, syntactic peculiarities of word-combinations with such nouns are described. It is stated that the word-combinations as well as the suffix derivatives are able to highlight emotions and evaluations. Standard characteristics and the word-combinations produced by author occasionally are picked out.

Key words: somatic vocabulary, lexical combination breach, individual author's innovations, suffixes of subjective estimation, transformation of lexical meaning.

Источники

МД – Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Изд-во худож. лит., 1967. – Т. 5. – 318 с.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
2. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка: в 2 т. – Киев: Радянська шк., 1953. – Т. 2. – 178 с.
3. Склярёвская Г.Н. Языковая метафора как категория лексикологии // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Лукьяновой. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1991. – С. 23–25.
4. Виноградов В.В. Язык и стиль русских писателей: От Карамзина до Гоголя. – М.: Наука, 1990. – 386 с.
5. Земская Е.А. Словообразовательные морфемы как средство художественной выразительности // Русский язык в школе. – 1965. – № 3. – С. 53–58.

Поступила в редакцию
14.10.09

Замалютдинова Эльмира Рафаилевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Казанского государственного энергетического университета.

E-mail: zam-ehlmira@yandex.ru